

КАРПОВ Тимофей Геннадиевич, родился в 1870. Окончил юридический факультет Московского университета, служил помощником предводителя дворянства; с 1918 — после революции поступил на советскую службу. Летом 1926 — арестован в Московской области и заключен в тюрьму. В сентябре 1926 — в юридический отдел Помполита была передана подробная справка по его биографии.

<15 сентября 1926>

«К А Р П О В Тимофей Геннадиевич, род<ился в> 1870 г<оду>, сын русского историка Г. Ф. Карпова и Анны Тимофеевны Морозовой. Отец Карпова из ярославских крестьян, сумел выбиться до профессуры, но тут же ее потерял, т<ак> к<ак> был запойный пьяница (умер от своей слабости <в> 1890 г<оду>) и всю жизнь находился на иждивении своей богатой жены, носившей в себе резкие признаки неуравновешенности и дегенерации (родная сестра Александра — признанная душевнобольная истеричного типа, с самого замужества проведшая жизнь взаперти, мать ярких дегенератов, один из которых самоубийца). Т. Г. Карпов рос очень больным мальчиком и при своих крайне ограниченных способностях, граничащих с прямой тупостью, с большим трудом и с запозданием окончил юридический факультет. Не имея возможности поступить на прямую казенную службу, пользуясь цензом землевладельца, служил “по выборам”, но первые годы тоже очень неудачно, так как вследствие непростительных промахов по службе, при всем своем трудолюбии и добросовестности, был принужден бросить — после официального выговора со стороны предводителя дворянства — службу во Владимирской губернии и кое-как перебрался в Московскую, где, наконец, “понаторел” настолько, что мог держаться в качестве второстепенного “деятеля” и даже, наконец, “помощника” предводителя дворянства. Незлобивый и честный по природе, К<арпов> ни разу в жизни не бывал “гонителем”, никогда не пытался агрессивно проводить те “правые воззрения”, коих придерживался, никто из “третьяго элемента” не страдал от него по службе, а, напротив, иные видели помощь. Об еврейских погромах говорил с нескрываемым отвращением (которое, впрочем, не афишировал). Позор его деятельности, кроме его бесспорной ограниченности, мешало ему уразуметь, во-первых, его тщеславие и, во-вторых, окружение (за свою мягкость и порядочность с “врагами” заслужил себе прочную репутацию “дурачка”, но за него держались ради морозовских “цензов”, обеспечивавших его присным преобладание в земствах). Тщеславием же надо объяснять и его “церковную деятельность”, дающей ему возможность “фигурировать”, председательствовать и т<ому> п<одобное>, кроме чего он всю жизнь ничего не делал. Когда произошел переворот, Т<имофей> К<арпов> понял чутьем крестьянского внука его глубину, абсолютно бежал какой-либо контрреволюционной активности, ни в чем не последовал примеру его родных и братьев, а при первой возможности поступил на государственную службу, где, кажется, и заявил себя скромным и исполнительным, но опять-таки, при первой к тому возможности, тщеславным работником. Проживая в доме, населенном почти одними рабочими, которым прекрасно известно его прошлое, он, однако, пользуется с их стороны известным благожелательством. Т<имофей> К<арпов> в общем принадлежит к элементам, абсолютно безвредным, а при малейшем поощрении способен проявить себя, трудно сказать насколько полезным, но во всяком случае усерднейшим сотрудником власти»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 165. С. 164. Машинопись.